

«УТВЕРЖДАЮ»

Ректор РГГУ, д.и.н., профессор,
член-корреспондент РАН

Е.И. Пивовар

06.10.2015

О Т З Ы В

ведущей организации РГГУ на диссертацию Буранка Сергея Олеговича «Тихоокеанская война в оценке американского общества (1941-1945)», представленную к защите по специальности 07.00.03 – всеобщая история на соискание ученой степени доктора исторических наук

Докторская диссертация Сергея Олеговича Буранка нацелена на реконструкцию представлений о войне на Тихом океане 1941-1945 гг. в репрезентациях военно-политической элиты США и рядовых американских граждан.

Актуальность заявленной темы обусловлена, с одной стороны, тем, что в диссертации рассматриваются практики информационного воздействия на общество, сохранившие свое значение вплоть до настоящего времени, а с другой стороны, той ролью, которую миф о «Великой войне» играет в национальном общественном сознании и педагогике патриотизма.

Вторая мировая война занимает особое место в коллективной памяти американцев по трем причинам: это была «Good war» (в ней американцы победили, понесли наименьшие потери по сравнению с другими нациями, и после ее окончания начался подлинный «Американский век»); это война породила «Величайшее поколение» людей, сражавшихся в ту эпоху и являвших образец мужества и героизма (Greatest generation); наконец, эта война остается тем историческим прошлым, к которому всегда полезно и уместно обращаться (в особенности в сложные периоды национальной истории), поскольку историческая память о Второй мировой войне связана с триумфом, закрепляет чувство национальной гордости и способствует ревитализации национальной идеи («usable past»). Такой подход упрощает и приукрашивает события Второй мировой войны в коллективных репрезентациях американцев, способствуя мифологизации представлений о ней.

Текст докторской диссертации как раз и обращает нас к истокам формирования этого автомифа, входящего в репертуар смыслов национального дискурса идентичности. Мифомоторика конструирования национальной идентичности действует между двумя полюсами – топос травмы и топос триумфа. В первом случае речь идет о травме в связи с нападением Японии на Перл-Харбор, во втором – о триумфе в связи с победой над ней, в том числе благодаря атомным бомбардировкам Хиросимы и Нагасаки. Причем последнее событие начало переосмысливаться как травма вины еще поколением войны во Вьетнаме, а споры

по поводу бомбардировок не утихают в американской исторической литературе и по сей день, выплескиваясь в стены Конгресса и на страницы прессы.

Научная новизна диссертационного исследования обусловлена избранным ракурсом, методологией и источниковой базой, включающей в себя источники разных видовых характеристик, которые частично впервые вводятся в научный оборот.

В **методологическом плане** С.О. Буранок предпринимает попытку решить достаточно амбициозную задачу изучения войны на Тихом океане в американских репрезентациях в социокультурном и конкретно-историческом контекстах на основе не только традиционных методов и подходов, но, прежде всего, методологии имагологического исследования. И в этом смысле его работа имеет междисциплинарный характер и находится на стыке истории, социологии, культурной антропологии и этнопсихологии.

К достоинствам диссертации относится ее репрезентативная **источниковая база**. В работе использованы следующие виды источников: периодическая печать (солидная подборка национальных и местных газет и журналов разной партийной ориентации) и вещательные СМИ, источники официального происхождения (материалы следственных комиссий США, слушания в Конгрессе, боевые донесения и рапорты американских офицеров, отчеты и рапорты командования армии США, выступления официальных лиц, прежде всего, Ф.Д. Рузвельта) и личного происхождения (мемуары военных и общественно-политических деятелей, письма и дневники из личных архивов), интервью, публицистика и военно-теоретические труды современников, кино-, фоно- и фотодокументы, политическая карикатуристическая. Соискатель использует документы из оцифрованных архивных коллекций (преимущественно американского происхождения), доступные в интернете, что значительно расширяет круг источников и позволяет аргументировать положения авторской концепции.

Введение в научный оборот корпуса материалов периодических изданий и их изучение с учетом междисциплинарных исследовательских практик следует отнести к несомненным заслугам соискателя, также как и текстологический анализ донесений военных.

Историографическая база диссертации С.О. Буранка включает работы американских и российских исследователей, а также англо- и русскоязычные публикации японских историков, а обстоятельный историографический обзор, представленный во введении, высвечивает научную новизну работы.

Авторское «я» присутствует во всех разделах диссертации, а сочетание четко выраженной авторской позиции с историографической интригой позволяет проследить влияние представлений, тиражируемых в американском обществе в период войны, на последующую историографию.

Диссертация С.О. Буранка **структурирована** как традиционный исторический нарратив, что само по себе не вызывает возражений, однако ставит под сомнение методологическое новаторство соискателя в исследовании «воображаемый войны», о чем он заявляет во введении. Ведь заявленный им имагологический (социокультурный) подход должен оказывать непосредственное влияние на структуру текста, чего в данном случае не происходит.

Четыре главы, посвященные изучению представлений о войне на Тихом океане в репрезентациях американцев, распадаются каждая на два параграфа. В первом – речь идет о позиции представителей военной элиты, во втором об оценках американского общества или, как любит писать автор, общественно-политических кругов.

Глава первая нацелена на реконструкцию образа японской угрозы накануне войны. В данном случае, как показывает автор, восприятие формировалось на стыке ожидания конфликта в среде военных и ложных представлений о природе военной агрессии Японии в Китае, тиражируемых в прессе, которые затем сменились рассуждениями о ее военной слабости и неспособности вести полномасштабную войну. Именно начало войны в Китае ускорило как процесс подготовки США к войне, так и изменение общественного мнения (С. 108). В данной главе Сергей Олегович уделяет особое внимание механизмам формирования стереотипов восприятия японцев, что затем будет востребовано в США в ходе кампании против японских иммигрантов как потенциальных шпионов. К сожалению, в дальнейшем эволюция образа Японии и японцев осталась вне поля зрения соискателя.

Во **второй главе** речь идет о травматическом для национального сознания событии – нападении Японии на Перл-Харбор 7 декабря. Анализ докладов адмиралов Киммеля и Андерсона, отчетов, боевых донесений и материалов следственных комиссий выводит соискателя на понимание мотиваций, стоявших за оценками представителями военной элиты, которые пытались снять с себя ответственность за поражение. Они акцентировали внимание на факторе внезапности, объясняя именно этим масштабы потерь. И данная интерпретация оказала влияние не только на общественное мнение, но и на формирование историографии. Автор демонстрирует, как президент, информационные агентства и СМИ поддерживали усилия военных по героизации обороны атолла Уэйк в условиях превосходящих сил японцев, дабы отвлечь внимание от поражений первого этапа войны (с. 147).

Основным объектом изучения во второй части главы становятся СМИ – печатные и вещательные (причем соискатель видит в качестве исследовательской задачи верификацию содержащихся в них данных), а также опросы населения, которые позволяют автору проследить влияние информационной политики правительства США в предвоенные годы на восприятие населением атаки на Перл-Харбор (с. 167-168).

В **третьей главе** рассматриваются различные интерпретации событий, ставших поворотными в ходе войны на Тихом океане, и центрального из них – сражения за Мидуэй 4-6 июня 1942 г. Особого внимания заслуживают три аспекта данной главы: 1. сравнительный анализ тех коммуникативных стратегий, которые были задействованы как военной элитой, так и СМИ для конструирования представлений о коренном переломе в войне; 2. эволюция оценок сражений за Мидуэй и за Гуадалканал во взаимосвязи с ходом военных действий на советско-германском фронте; 3. приемы, использованные в СМИ для создания представлений о грандиозной победе при Мидуэе, главными слагаемыми которой стали индивидуальные подвиги. В данном контексте можно только приветство-

вать умелую авторскую интерпретацию пропагандистских фильмов Дж. Форда «Сражение за Мидуэй» и «Эскадрилья торпедоносцев» (с. 307-331).

Четвертая глава посвящена анализу реакции граждан США на военные операции завершающего этапа войны на Тихом океане - сражение за Филиппины, Иводзима, Окинава, а также атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки и вступление СССР в войну с Японией. Соискатель приходит к важному, хотя и дискуссионному, выводу о том, что изменения в оценках военных происходят под влиянием СМИ в период с 10 по 15 августа, когда формируется представление об атомных бомбардировках как о единственном способе ускорить капитуляцию Японии. Как справедливо замечает С.О. Буранок, этот вывод затем интегрировался в историографический дискурс, и от себя добавим, в общественное сознание американцев.

Во втором параграфе на основе анализа прессы, опубликованных воспоминаний и дневников современников, а также частной переписки (оцифрованные письма американских солдат с фронта домой) рассматривается эволюция представлений американцев о ключевых событиях завершающего этапа войны на Тихом океане, а также приемы, использованные администрацией Г. Трумэна и тиражированные в СМИ по подготовке общественного мнения к патриотическому восприятию атомных бомбардировок японских городов. Это происходило в условиях, когда росло влияние СССР, развернувшего успешное наступление на японские войска, и решался вопрос о послевоенном устройстве мира. Своим исследованием С.О. Буранок вносит определенный вклад в давний историографический спор о том, что кардинально повлияло на капитуляцию Японии – бомбардировки Хиросимы и Нагасаки или вступления СССР в войну.

В целом диссертация Сергея Олеговича Буранка представляет собой оригинальное научное исследование, расширяющее наше представление о восприятии американским обществом событий Второй мировой войны. Выводы, представленные в заключении, логически выверены и высвечивают авторскую концепцию. К наиболее интересным и плодотворным из них следует отнести рассуждения соискателя об изменении информационной культуры американцев, что проявилось, с одной стороны, в расширении механизмов информационного воздействия на общество, а с другой, в формировании более критического отношения к новостям. При этом тезис о преобладающем влиянии военных служб на общественное мнение в 1941-1944 гг. и, наоборот, о преобладающем влиянии общественного мнения на военных в 1945 г. нуждается в более глубокой проработке (с. 448-449). Кроме того, излишне самоуверенным выглядит следующее утверждение: «В диссертации разработана новая научная идея о развитии некоторых демократических прав и свобод в американском обществе в годы Второй мировой войны» (с. 439). Идея совсем не нова и в более развернутом виде давно присутствует в историографии, посвященной борьбе за гражданские права и свободы в США.

Кроме высказанных ранее замечаний необходимо отметить следующие недостатки диссертационного исследования Сергея Олеговича Буранка, связанные с источниковой и историографической базой, методологией и терминологией исследования, а также научным стилем.

Во-первых, если говорить об источниковой базе, то визуальные источники, принципиально значимые для имагологического исследования, использованы явно недостаточно. Проанализированы только фильмы Дж. Форда, карикатуристика появляется лишь во втором параграфе четвертой главы. Причем с такими комментариями: «Даже художники карикатуристы переориентируются на японскую тему... Мы видим, что даже карикатурный материал...» (с. 371-372). Слово «даже» здесь неуместно и свидетельствует о том, что автор недооценивает значение карикатуристики и как индикатора общественных настроений, и как механизма формирования новых общественных предпочтений. Кроме того, чтобы делать выводы об эволюцию образов в карикатуристике, необходимо эту эволюцию проследить, начиная с Перл-Харбора. Иначе карикатура это иллюстрация, а не источник особой видовой характеристики. Вне поля зрения соискателя остался целый пласт визуальной культуры американского общества периода Второй мировой войны (плакаты, мультипликация, игровое кино), который имеет важнейшее значение для решения исследовательских и методологических задач.

Удивляет и отсутствие материалов социологических опросов (кроме интервьюирования, организованного после японской атаки на Перл-Харбор), которые проводились службами по изучению общественного мнения в период Второй мировой войны.

Очень похвально, что автор вводит в научный оборот оцифрованные источники из архивных коллекций, доступные посредством интернета, но поскольку он лично не работал в фондах тех архивов, на материалы которых ссылается, следовало это отразить в списке и в подстрочнике, дав соответствующую ссылку на электронный адрес. Например: *After the Day of Infamy: «Man-on-the-Street» Interviews Following the Attack on Pearl Harbor // The Library of Congress. American Folklife Center. <http://memory.loc.gov/ammem/afcphtml/afcphtml.html>; The Library of Congress. Recorded Sound Reference Center // <http://www.loc.gov/rr/record/> с последующим расширением электронного адреса в подстрочнике при использовании конкретных документов. Вот так, например, должна выглядеть ссылка 5 на странице 351: *Canning, H.F. Oral History Interview, March 13, 1995, by Robert Lipschitz, Page 8 // Rutgers Oral History Archives // http://oralhistory.rutgers.edu/images/PDFs/canning_howard.pdf и т.д.**

Обычно в списке использованных источников и литературы раздел, куда выносятся архивные материалы, называется «неопубликованные источники». Но раз документы выложены на сайтах и порталах, мы имеем дело с электронными публикациями источников. В том, что автор их использует, нет ничего зазорного, поскольку он вводит их в научный оборот в нужном для себя контексте. Однако это требует другого оформления в подстрочнике и списке, и другого описания во введении.

Кроме того, автор считает возможным выносить в список архивные коллекции, которые он вообще не использует. Они присутствуют в подстрочнике как т.н. «глухие ссылки». Например, ссылка на бумаги Р. Клэппера (с. 260), где говорится, что они хранятся в Библиотеке Конгресса. Еще один пример: с. 288 – при упоминании отчетов офицеров ВМС о Мидуэ дана «глухая» сноска в подстрочнике на материалы Национального архива США, а весь последующий ана-

лиз опирается на опубликованное коммюнике. Также можно привести в пример сноску 3 на странице 268, сноску 2 на странице 310 и т.д. Ссылка на архив и фонд, где хранится документ, это еще не повод включать данную коллекцию в список использованных источников. Подобная информация содержится во всех описях американских архивов, выложенных на их сайтах. И, конечно, не стоит ссылаться на киноленты «Сражение за Мидуэй», «Эскадрилья торпедоносцев», «7 декабря 1941» в подстрочнике как на архивные документы. Достаточно сказать во введении, где хранятся оригиналы.

С учетом вышесказанного, заявление автора об использовании материалов 16 американских, 3 японских и 1 австралийского архивов нуждается в серьезной корректировке (С. 21). И в данном случае речь идет не о репрезентативности источниковой базы (она репрезентативна даже за вычетом декларированных, но не использованных архивных материалов), а о научной этике. Кстати, как и в случае с утверждением о фронтальном исследовании 180 периодических изданий за годы войны, включая прессу штатов (с. 33). Даже применительно к общенациональным газетам и журналам это звучит не вполне убедительно, не говоря о местной печати. Более корректно говорить о частичной выборке, которая, тем не менее, выглядит в высшей степени достойно. Американские ученые, находясь в США, тратят не годы, а десятилетия, чтобы осуществить фронтальное исследование такого количества периодических изданий за несколько лет. При фронтальном изучении периодических изданий С.О. Буранок, к тому же, наверняка не обошел бы вниманием карикатуры за период войны, начиная с 1941 г. Слишком уж ярким и притягательным источником предстаёт политическая карикатуристика при сплошном просмотре.

Наконец, нуждается в уточнении типологизация источников в источниковедческом обзоре (прежде всего, речь идет о необходимости выделения двух крупных групп – источники официального происхождения и источники личного происхождения) и в расширении список использованных источников за счет кино-, фоно- и фотодокументов, а также вещательных СМИ.

Во-вторых, обращаясь к историографии диссертационного исследования, следует подчеркнуть, что вне поля зрения соискателя осталась богатейшая литература, посвященная изучению Второй мировой войны в исторической памяти американцев. Эти публикации напрямую коррелируют с проблематикой диссертации в той ее части, которую С.О. Буранок считает своим ноу-хау. Можно для примера указать на монографию Дж. Боднара (*Bodnar J. The «Good War» in American Memory. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2010*) и последнюю работу Дж. Дауэра (*Dower J.W. Cultures of War. Pearl Harbor/ Hiroshima/9-11/Iraq. N.Y., L., 2010*).

Следовало, кроме того, уделить особое внимание исследованиям, в которых рассматривается эволюция образа Японии в репрезентациях американцев. И не только на уровне включения в список, но и предметного изучения.

Полностью отсутствует литература по методологии анализа визуальных текстов и по текстологическому анализу вербальных материалов периодической печати, которая могла быть, конечно, охарактеризована и в методологическом разделе введения, если бы соискатель задумался над этим вопросом в принципе.

В-третьих, методология диссертации также вызывает нарекания. Начнем с того, что отсутствует характеристика американского социокультурного контекста, столь значимого для имагологического исследования. Ведь именно он позволяет объяснить иерархию образов. С.О. Буранок ограничился рассуждениями о противостоянии республиканской и демократической партий в Конгрессе в 1945 – 1946 гг. по вопросу о вступлении США в войну, о том, что образ Мидуэя привел к борьбе армии, флота и морской пехоты США за признание вклада в победу; а образ Хиросимы снова актуализировал полемику «русофобов» и «русофилов» в американском обществе» (С.439). Но этого недостаточно, и, кстати сказать, в данном случае речь идет о политической «повестке дня», а не о социокультурном контексте.

Следует заметить, что традиционная историческая имагология и имагология международных отношений, опирающаяся на методы социального конструктивизма в изучении транснациональных образов и стереотипов восприятия, авто- и инонациональных мифов, это не вполне одно и то же. В первом случае основной акцент делается на соотношении образа и реальности, а во втором на мотивациях, стоящих за интерпретациями этой реальности. И это расхождение соискатель не до конца улавливает, о чем свидетельствуют его рассуждения в методологической части введения (с. 38)

Стремление С.О. Буранка сосредоточиться исключительно на представлениях о войне (военных операциях), и абстрагироваться от образа Японии как врага, от образов «Своих» и «Чужих» выглядит надуманным. Ведь имагология войны неразрывно связана с иерархией образов внешних и внутренних врагов. В этом смысле вызывает сомнение один из выводов автора о том, что «воображаемая война (как показывает пример Тихоокеанской войны 1941 – 1945 гг.) формировалась в общественном сознании не столько противопоставлением образа союзника образу врага («Свой»/«Чужой», согласно традиционной имагологии), сколько складывалась из образов этапов и крупнейших сражений войны» (с. 438).

В-четвертых, автор произвольно оперирует ключевым для имагологического исследования понятием образ (образ этапа, образ поворота, образ фазы, образ процесса, образ обороны Филиппин, образ отдельных японских операций, образ атомной бомбы, спасение образа атомной бомбы, образ войны). Правоммерно задать вопрос, как в контексте исследования образ соотносится с представлениями, стереотипами и мифами?

А ведь терминология напрямую связана с методологией. Что, например, означает в методологическом плане, такая фраза: «При этом формируемые стереотипы восприятия отдельных операций иногда оказывались более мощными, чем образ всей войны» (с. 438).

Остается открытым и вопрос о том, какое содержание соискатель вкладывает в такие базовые для заявленной проблематики понятия как общественно-политические круги, военные круги, общественность, общественное мнение.

Наконец, в тексте не проясняется противопоставление понятий «воображаемая война»—«сочиненная война», заявленное автором во введении. А это следовало бы сделать, учитывая претензии С.О. Буранка на выработку «научной концепции воображаемой войны» (с. 39-40)

Последнее замечание относится к погрешностям научного стиля. Вот лишь несколько примеров: «вопрос связи реакции общества США и общества Японии», «черты оценок», «формирование образа поворота», «процесс создания у общественности США образа», «исторические факты проанализированы в аспекте», «выявление уровней и тенденций развития предмета и фиксации качественных изменений», «аналитически рассмотреть особенности», «общественное сознание было под впечатлением новостей» и т.д.

Однако в целом высказанные замечания не умаляют того факта, что диссертация Сергея Олеговича Буранка является самостоятельным исследованием (система «Антиплагиат» выявила 93.68% оригинального текста), новаторским по своему характеру и отвечающим основным требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Текст автореферата отражает основное содержание диссертационного исследования. Список публикаций, представленный в автореферате, подлинный и свидетельствует об активной научной деятельности соискателя, который заслуживает присуждения искомой степени доктора исторических наук.

Настоящий отзыв составлен Журавлевой В.И., доктором исторических наук, профессором кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики РГГУ, обсужден и утвержден на заседании кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ 15 сентября 2015 г. (протокол № 1).

Зав. кафедрой зарубежного регионоведения
и внешней политики ИАИ РГГУ,
кандидат исторических наук, доцент

 О.В. Павленко

06.10.2015 г.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), 125993, г. Москва, Миусская площадь, д.6
телефон: 8 (495) 250-61-18,
e-mail: rsuh@rsuh.ru

